

УДК 81'28(470.53)
doi 10.17072/2073-6681-2024-3-15-23
<https://elibrary.ru/mbagzn>

EDN MBAGZN

Общие названия сорной травы в русских говорах Пермского края: мотивационный аспект (на материале диалектных словарей)

Гранова Мария Андреевна

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-код: 3653-3938

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Статья поступила в редакцию 05.02.2024

Одобрена после рецензирования 15.07.2024

Принята к публикации 13.08.2024

Информация для цитирования

Гранова М. А. Общие названия сорной травы в русских говорах Пермского края: мотивационный аспект (на материале диалектных словарей) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 3. С. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-15-23

Аннотация. В статье на материале диалектных словарей Пермского края рассматриваются лексические единицы, являющиеся общими обозначениями сорной травы в русских говорах региона. В ходе исследования выявлены мотивационные признаки, лежащие в основе общих названий сорной травы, построены мотивационные модели, по которым образуются эти единицы, определены общие принципы номинации сорной травы в пермских говорах. Обнаружено два основных принципа номинации – по объективным признакам самих растений и по их значению в хозяйственной деятельности человека. Доказано, что фитонимы в пермских говорах могут иметь множественную мотивацию. Рассмотрены представления русских жителей края о сорных растениях, отраженные в диалектных фитонимах. Ядро этих представлений – бесполезность сорной травы в хозяйстве (*пустая трава, сорняк, сорная трава, сор, хлам, дудора, шелобонь, батарма, чаща, дурнина, дурнотравье, дурняк, дурман*; развитие семантики в данном случае чаще всего происходит по модели ‘отходы, мусор, хлам’ → ‘сорняки’; это наиболее частотная семантико-мотивационная модель в рассматриваемой группе лексикона); номинации, отражающие объективные признаки растений (особенности строения стебля и листьев (*дубинник, батожье, дудка*), свойства сорной травы (*дерюга, деряга, деряжка, липучая трава, суволотка, суволока*)), менее частотны на исследуемой территории и носят конкретный характер (стелиться по земле, липнуть к другим предметам и т. д.); в единичном случае в названии сорной травы отразились представления о качестве человека, приводящем к ее появлению (*бабья лень*). Полученные выводы свидетельствуют в пользу антропоцентрического, оценочного, конкретно-чувственного характера картины мира диалектоносителей.

Ключевые слова: этноботаника; сорные растения; фитоним; семантико-мотивационный анализ; пермские говоры.

Введение

Известно, что условия проживания определенного социального коллектива – экономические отношения, политическая ситуация, а также

природные факторы – формируют его менталитет, влияют на его образ жизни. Для сельского коллектива особую роль, безусловно, играют природные условия, в том числе флора. «Одной

из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы» [Коновалова 2000: 4], является народная фитонимия, поэтому ее изучение сегодня продолжает оставаться одним из важных направлений диалектологических исследований. Рост интереса диалектологов к рассмотрению фитонимов во многом обусловлен работой над первым томом «Лексического атласа русских народных говоров», посвященного теме «Растительный мир» [ЛАРНГ 1]: сбор, систематизация, картографирование диалектных названий растений позволили ученым обратиться к теоретическому рассмотрению этой лексики в различных аспектах: изучается словообразование фитонимов (см., например: [Вендина 1998]), их этимология (см., например: [Меркулова 1967]), отражение в ней межъязыкового взаимодействия (см., например: [Бродский 2010]); создаются словари фитонимической лексики (см., например [Коновалова 2000]).

Настоящая работа посвящена анализу процессов мотивации в народной фитонимии, что является актуальным, поскольку выявление мотивационных признаков, лежащих в основе названий растений, позволяет раскрыть представления о растительном мире, функционирующие в сознании современных диалектоносителей – жителей сельской местности, для которых растениеводство по-прежнему остается важной частью хозяйственной деятельности.

Однако исследования процессов мотивации в народной фитонимии носят фрагментарный характер, проводятся на материале номинаций отдельных растений (см., например, работы, посвященные номинациям лопуха, репейника [Красовская 2012], крапивы [Зорина 2016], конопли [Колокольцева, Кудряшова 2007]) или групп растений, в том числе номинаций трав (см., например: [Вендина 2016; Колосова 2011; 2015; Меркулова 1965; 1967]).

Имеются исследования мотивации фитонимов, выполненные на материале говоров отдельных территорий (см.: [Алёшина 2014; Занозина, Ларина 2000]). Что касается русской фитонимии Пермского края, то к настоящему времени в мотивационном ключе рассмотрены лишь ее отдельные группы: названия травы душицы [Русинова 2011], ягодных растений [Боброва 2017], грибов [Пермякова 2010], номинации деревьев в говоре одного населенного пункта [Русинова, Ямлиханова 2006], названия молодых шишек хвойных деревьев [Зверева 2023]; ряд работ посвящен группе номинаций травянистых растений (см.: [Бакланова 2014; Русинова, Богачева 2003]).

Объектом настоящего исследования стали названия сорной травы, функционирующие в русских говорах Пермского края. **Цель** работы – изучение мотивационной семантики лексических единиц, обозначающих эти растения, то есть рассмотрение того, как народные представления о сорняках отразились в диалектном языке. Как указывает С. М. Толстая, отношения «левой» (внутренней) и «правой» (внешней) мотивации для слова не симметричны: одни слова имеют развитую систему внутренних мотивационных моделей и менее развитую сеть семантической деривации (таковы, например, имена лиц, регулярно называемых по характерному действию, функции, разного рода признакам и т. п.); другие единицы, являющиеся немотивированными или «слабо мотивированными», могут активно развивать собственную семантическую деривацию (то есть имеют сильную «правую» область мотивации) [Толстая 2002: 116–117]. В настоящей работе будет рассмотрена «левая» мотивация фитонимов.

В **задачи** исследования входит: 1) анализ словарных статей диалектных словарей Пермского края и отбор из них лексических единиц, являющихся общими названиями сорной травы; 2) поиск мотивирующих единиц для этих слов и построение мотивационных моделей для образования данных фитонимов; 3) выявление мотивационных признаков, лежащих в основе исследуемых названий, и общих принципов номинации сорных растений в пермских говорах; 4) описание представлений русского населения края о сорной траве, нашедших отражение в ее номинациях, как части картины мира носителей традиции.

Источниками материала для нашей работы послужили статьи диалектных словарей Пермского края (АС; СПГ; СРГСПК; СРГЮП), из которых отбирались именно общие номинации; видовые обозначения сорных растений (*крапива*, *аржаник* ‘щетинник сизый’, *восот* ‘осот’ и т. д.) в настоящей работе не рассматриваются.

Отметим, что в ботанике сорными называются растения, нежелательные на территориях, используемых человеком в хозяйственной деятельности; они ухудшают условия произрастания культивируемых растений, создают благоприятную среду для размножения вредителей; вьющиеся сорняки вызывают полегание сельскохозяйственных растений, высокостебельные – забивают рабочие органы уборочных машин; зерно с примесью семян ядовитых сорных растений может быть причиной отравления людей и животных; для уничтожения сорных растений используется комплекс специальных агротехнических приемов [Конечная 2016].

Диалектными словарями Пермского края зафиксировано 24 общих названия сорной травы, в основе которых лежат различные признаки этих растений. Количество номинаций указывает на важность таких растений для диалектоносителей, поскольку выбор самих маркируемых предметов и явлений внешнего мира и их признаков, объективируемых в их языковых номинациях, «не является случайным <...>, а носит системный характер, давая представление о мировидении всех членов этноса» [Вендина 2016: 124–125], и чем чаще маркируется в языке та или иная реалья, тем большую значимость она имеет в жизни и в картине мира носителей диалекта.

Общие номинации сорной травы в русских говорах Пермского края и мотивационные признаки, лежащие в их основе

Перейдем к анализу нашего материала. В первых, в диалектных словарях Пермского края встретились номинации сорной травы *дерюга*, *деряга*, *деряжка*: *Так вы че, через дерюгу или че ли? (Кособаново Кунг.) (СПГ 1: 213); Вот ведь деряга какая, никак не отцепишь (Н. Звяга Караг.) (там же); Деряга, она как мох же будет, только длинный такой стебель, а на ней шишечки маленькие. Прямо по земле вьется (Харенки Сол.) (там же); Деряжка – трава зелёная. На ей растут тонкие листики, как иголки; а на их появляется пыльца, сдают ее, она ценная; между окнами деряжку-то и ложат, она не вянет (Аристов Сол.) (там же).* Все названия зафиксированы в значении ‘цепкая сорная трава’.

Представляется, что анализируемые единицы связаны с глаголом *драть* и могут развивать свои значения по модели: ‘то, что рвет, царапает, обдирает’ [РЭС 13: 262] → ‘сорная трава’. Таким образом, рассматриваемые номинации отражают способность сорной травы ранить людей и животных, причинять им физическую боль, что связано с жесткостью и шершавостью, возможно, колючестью стебля растения, который позволяет ему цепляться за другие растения, предметы или людей. Такой семантический переход логичен, если обратить внимание на то, что в пермских говорах единица *дерюга* обозначает грубую ткань, а *дерюжка* – верхнюю одежду из такой ткани [СПГ 1: 213; СРНГ 8: 27–29].

В пермских говорах отмечены такие названия сорной травы, как *дубинник* ‘жесткая, грубая трава’ (СПГ 1: 236) и *батожьё* ‘сухая колючая, с большими стеблями сорная трава’ (СРГЮП 1: 44): *Двор-от у меня весь дубинником зарос, а выдержат не проворю уж (Кленовка Больш.) (СПГ 1: 236); Ведь вот како колюче батожьё, все руки, девки, исколете (Рагузы Чайк.) (СРГЮП 1: 44).* Первую номинацию можно связать со сло-

вом *дубина*, известным в литературном языке в значении ‘толстая тяжелая палка’ [БАСРЯ 5: 409]. Вторая единица восходит к слову *батог* с литературным значением ‘палка или толстый прут, применявшийся в старину для телесных наказаний’, а также ‘палка, посох’ [БАСРЯ 1: 416]; в пермских говорах фиксируется схожая семантика – ‘палка, посох, трость, дубина’ (СПГ 1: 14). Можно предположить, что обе номинации указывают на жесткость, твердость стебля растения и его большую толщину; мотивационную модель можно представить как ‘твердый, жесткий, толстый, негнувшийся предмет’ → ‘сорная трава’.

Кроме того, название *дубинник* можно также связывать со словом *дуб*. Это высокое дерево (до 40 м) с толстым стволом (до 4 м в диаметре), древесина которого отличается твердостью, прочностью и зимостойкостью [Баландин 2016], поэтому единица *дубинник* может указывать не только на толщину стебля, но и на его высоту, а также на прочность и жесткость. Мотивационная модель: ‘дерево с высоким, толстым стволом и твердой корой’ → ‘сорная трава’.

Особенности строения стеблей сорной травы отразились и в номинации *дудка*: *У меня <...> весь огородец дудкой затянуло (Юрич Караг.) (СПГ 1: 237).* В пермских говорах единица обозначает ‘толстый, полый стебель растения’ (там же) и, как видно из приведенного примера, сорную траву с таким стеблем. Название отражает сходство формы стебля растения с формой «простейшего духового музыкального инструмента в виде полой деревянной трубки с отверстиями» [БАСРЯ 5: 418]. Мотивационная модель: ‘предмет, имеющий форму полой трубки’ → ‘толстый полый стебель растения’ → ‘сорное растение с таким стеблем’.

Со свойствами стебля сорных растений связаны номинации *суволотка* *суволока* и *липучая трава*: *Покушать нечего, траву ели – суволотку (Бондюг Черд.) (СПГ 2: 415); Липучая трава всю картошку обтенёт (Вильва Сол.) (там же: 444).* Эти единицы указывают на способность стебля растения обвивать, «обволакивать» другие растения или предметы (ср. значение единиц с корнями *-волок/-волот-*: ‘Сорная трава <...>, цепляющаяся за ноги при ходьбе, мешающая идти’ (АС 5: 159)).

В пермских диалектных словарях отмечено также обозначение сорной травы *бурлан*: *Вон какой бурлан нынче вырос – полоть пора (Кленовка Больш.) (СПГ 1: 66–67).* Единица родственна лексеме *бурьян*, функционирующей в литературном языке со значением ‘крупностебельная сорная трава (крапива, лопух и т. п.); высокая сорная трава’ [БАСРЯ 2: 270]. Как отмечает П. Я. Черных, название сорной травы *бурьян*

восходит к глаголу *бу́рится* ‘много и сильно лить’, а также ‘бунтовать, разорять, разрушать’ и родственно словам *бу́ря*, *бу́рлить* (в значении ‘шуметь, бушевать, буянить’), *бу́йный* [ИЭССРЯ 1: 126]. Следовательно, «растение-сорняк названо так <...> по быстрому и буйному его росту и разрушительному действию» [там же]. Таким образом, анализируемая номинация отражает способность сорной травы быстро разрастаться и причинять вред культурным растениям.

Еще одно название сорной травы в пермских говорах – *пустая трава*: *Картофну траву не дерьгат, а пусту-то траву выдергиват* (Акчим Краснов.) (АС 1: 167); *Траву-то пусту-то всё дергала. А леший с ей! Она выростёт!* (Акчим Краснов.) (АС 2: 108); *Травы пустой много не продергано* (Акчим Краснов.) (АС 4: 144); *Этo мы пустую траву стяпывали, сорняки* (Акчим Краснов.) (АС 5: 159). Единица отражает идею отсутствия у сорной травы хозяйственной ценности, пользы для человека.

Сходные представления лежат в основе еще ряда номинаций сорной травы, зафиксированных в пермских говорах: *сорняк*, *сoрная трава*, *сор*, *хлам*, *дудора*, *шелобoнь*, *батарма*, *чаща*: *Вот семена-то окрошатся осенью, шибко сорняков много будёт* (Кленовка Больш.) (СПГ 2: 41); *Посеяно – сорна трава может вытеснить* (Акчим Краснов.) (АС 1: 192); *Всякой сор наростёт: молошник, восоть, мальда* (Шипицыно Гайн.) (СРГСПК 1: 277); *Я до чистичка все убрала, выполола, а сейчас вон снова хлам вырос* (Волково Киш.) (СРГЮП 1: 235); *Весь огород дудорой зарос, жжется* (Сильново Караг.) (СПГ 1: 237); *Трава шелобонь така, куда её деваешь* (Острожка Ох.) (СПГ 2: 549); *В прошлом году здесь некошено, так батармы воно сколько* (Фоки Чайк.) (СПГ 1: 24); *Пололи, из посева цяишу выдергивали, прополку делали. А всё одно затегало травой – цяишой* (Акчим Краснов.) (АС 6: 153).

Как видим, в данную группу входят как обозначения, встречающиеся в литературном языке (*сорняк*, *сорная трава*), так и собственно диалектные номинации. Их объединяет то, что все они образовались от названий отходов, мусора. Номинации *сорняк*, *сорная трава*, *сор*, *хлам* имеют прозрачную внутреннюю форму, и эта мотивация в них видна хорошо. Остальные единицы требуют пояснения. Номинация *дудора*, вероятно, происходит от слова *дудора* со значением ‘хлам, дрянные пожитки’ [Даль 1: 445]. Слово *шелубонь* восходит к *шалупонь* со значением ‘ненужные вещи; грязь, пыль, сор’, которое связано с *шелуха*, *шелупина* ‘шкурка, кожурка, очистки’ [СРА]. Единица *батарма*, вероятно, возникла из *бахтарма* (так, в говорах Русского Севера обе единицы имеют сходную семантику:

батарма ‘пивная гуща’ [СГРС 1: 73], *бахтарма* ‘осадок, остаток от пива, браги либо другой процеженной жидкости’ [там же: 79]). Единица *бахтарма* отмечена в пермских говорах в значении ‘грязь’ (СРГЮП 1: 45), а также ‘внутренняя поверхность кишок’ и ‘верхняя кожица бересты’ (СПГ 1: 27) и является заимствованием из тюркских языков (ср.: номинация сорной травы *бахтарма* зафиксирована в Чайковском районе Пермского края, граничащем с Башкирией, и могла быть заимствована русскими от местного тюркского населения), где, согласно А. Е. Аникину, имела значение ‘шершавая и/или «мохристая» пленка, кожица на шкуре, грибе, бересте’ (из тюрк. *bastırma* ‘сдавленное, сжатое’), то есть то, что не идет в пищу, выбрасывается [РЭС 2: 295]. Единица *чаща* в русских говорах Пермского края (в частности, в говоре деревни Акчим Красновишерского района, где зафиксирована и рассматриваемая номинация сорной травы) может обозначать заросли малоценных пород деревьев, низкосортную древесину, древесные отходы и вообще любой хлам, сор (АС 6: 153).

Таким образом, все рассмотренные единицы претерпели изменение семантики по модели ‘отходы, мусор, хлам вообще’ → ‘сорная трава’. Эти названия, на наш взгляд, репрезентируют идею ненужности сорняков, указывают на то, что от них следует избавляться, пропалывать.

В пермских материалах отчетливо выделяется еще одна группа номинаций сорных растений – названия с корнем *-дур-*: *дурнина*, *дурнотравье*, *дурняк*: *На покосе нонче беда много дурниныросло* (Асово Бер.) (СПГ 1: 238); *Беда есть, чем корову кормить; на покосе одно дурнотравье нонеросло* (Шульгино Бер.) (там же: 239); *Дурняк-от обкашивать надо, на што его* (Калинино Кунг.) (там же). Все они происходят от прилагательного *дурной* ‘плохой’. Этот признак может указывать на отсутствие у сорных растений хозяйственной ценности и на их отрицательную оценку диалектоносителями.

В русских говорах Пермского края в значении ‘сорняк’ отмечена также единица *дурман*: *Раньше-то дурмана не было. Чтобы у кого-то дома выросла трава? Нет, не было* (Лидино Окт.) (СРГЮП 1: 255–256). В литературном языке это слово обозначает растение *Datura stramonium L.* (дурман обыкновенный, дурман вонючий), все части которого ядовиты и которое имеет довольно сильный запах (приятный – у цветков, неприятный – у стеблей и листьев, если их повредить), способный опьянять, одурять, одурманивать человека [Головкин 2016]. Однако представляется, что в сознании диалектоносителей анализируемый фитоним связан не с литературной номина-

цией растения *Datura stramonium* L., а с прилагательным *дурной*, поэтому следует включить эту единицу в охарактеризованную выше группу слов с корнем *-дур-*. Мотивационный признак в данном случае тот же, что и у этих номинаций, – отсутствие у растения полезных для человека качеств, его отрицательная оценка.

Наконец, еще одно название сорняков в пермских говорах – *ба́бья лень*: *На грядах сплошь растет ба́бья лень. Выполоть бы надо* (Лызиб Сол.) (СПГ 1: 472). Мотивировка этой номинации прозрачна: ‘отрицательное качество человека’ → ‘сорняки как результат, к которому приводит наличие у человека этого качества’.

Выводы

1. Проведенный анализ позволяет указать общие принципы номинации сорной травы в русских говорах Пермского края:

1) номинация по объективным признакам самих растений:

а) по особенностям строения стебля (*дубинник, батожье, дудка*);

б) по свойствам растений (*дерюга, деряга, деряжка, липучая трава, суволокта, суволока, бурлан*);

2) номинация по значению сорных растений для хозяйственной деятельности человека:

а) по отсутствию у них хозяйственной пользы (*пустая трава, сорняк, сорная трава, сор, хлам, дудора, шелобонь, батарма, чаща, дурнина, дурнотравье, дурняк, дурман*);

б) по качеству человека, приводящему к появлению сорняков (*ба́бья лень*).

Стоит отметить, что, с одной стороны, фитонимы в пермских говорах могут иметь множественную мотивацию. С другой стороны, один мотивационный признак может отражаться в нескольких номинациях, что в целом типично для диалектной лексики (ср., например, наблюдения Л. О. Занозиной, Л. И. Лариной [Занозина, Ларина 2000]).

Наиболее частотной семантико-мотивационной моделью при образовании общих названий сорных растений в пермских говорах является модель ‘отходы, мусор, хлам’ → ‘сорняки’ (по этой модели образовано 8 номинаций).

2. Языковые данные русских говоров Пермского края дают возможность составить следующий собирательный «портрет» сорных растений в картине мира диалектоносителей. Сорные растения часто обладают высоким жестким, колочим стеблем или же, наоборот, стелющимся стеблем, способным оплетать, обвивать другие растения. Они не имеют хозяйственной ценности и представляют опасность для культурных растений, а также для человека и животных (по-

скольку их листья и стебли способны ранить того, кто к ним прикасается). Если не пропалывать сорняки (например, по причине лени), то они могут очень буйно разрастись и погубить культурные растения.

Сопоставление этого «портрета» с ботаническим описанием из энциклопедии, приведенным в начале настоящей статьи, позволяет видеть, что основные представления о сорных растениях (о наличии крупностебельных и стелющихся видов, о вредности сорняков для культурных посадок, а также для человека и животных) отражены в обоих случаях. При этом большинство диалектных названий маркируют их бесполезность в хозяйстве (13 номинаций). Это главный признак сорной травы для носителей говоров. На втором месте в диалектной картине мира представления о строении растений и их свойствах (каждое такое свойство отражают 1–3 номинации), причем эти свойства носят предельно конкретный характер (стелиться по земле, липнуть к другим объектам и т. д.). Кроме того, в диалектной картине мира отражено то, чего нет в научном описании сорных растений, – качество человека, приводящее к их появлению (*ба́бья лень*) (причем при таком способе номинации отрицательную культурную оценку получают не только сами растения, но и данное качество человека через связь с ними). Всё сказанное еще раз свидетельствует в пользу антропоцентрического, оценочного, чувственно-конкретного характера картины мира носителей говоров.

Условные сокращения районов Пермского края

Бер. – Берёзовский; Больш. – Большесосновский; Гайн. – Гайнский; Караг. – Карагайский; Киш. – Кишертский; Краснов. – Красновишерский; Кунг. – Кунгурский; Ох. – Оханский; Сол. – Соликамский; Чайк. – Чайковский; Черд. – Чердынский.

Список источников с сокращениями

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1984–2011. Вып. 1–6.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 2000–2002. Вып. 1–2.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь: Перм. гос. ун-т. Вып. 1. А–В. 2011. 364 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых,

А. В. Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

Список литературы

Алёшина Л. М. Мотивация наименований по дорожника как способ отражения опыта освоения носителями говоров мира растений // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 25–30.

Бакланова И. И. Народные названия дикорастущих съедобных растений Пермского края, или История поиска названия «гоньши» // Проблемы лингвистического краеведения / сост. С. С. Иванова; отв. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2014. С. 35–42.

Баландин С. А. Дуб // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337> (дата обращения: 05.05.2024).

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2004–. Т. 1–.

Боброва М. В. Названия ягод и ягодных растений в русских говорах Пермского края и иных территорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 59–77.

Бродский И. В. Русские заимствования в фитонимическом фонде финно-пермских языков // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2010. С. 293–298.

Вендина Т. И. «Лексический атлас русских народных говоров» и лексика природы в лингвогносеологическом аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 121–153.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.

Головкин Б. Н. Дурман // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://bre.mkrf.ru/biology/text/1970763> (дата обращения: 07.05.2024).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 1. М.: Типография А. Семена, 1863. 627 с.

Занозина Л. О., Ларина Л. И. Мотивированность лексики растительного мира (на курском материале) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997 / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 2000. С. 129–131.

Зверева Ю. В. Названия молодых шишек хвойных деревьев в русских говорах Пермского края // Известия Уральского федерального университета.

Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 181–198. doi 10.15826/izv2.2023.25.2.031

Зорина Л. Ю. Наименования крапивы в русских народных говорах (по данным ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 227–238.

ИЭСРЯ – Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. А – Пантомима. 624 с.

Колокольцева Т. Н., Кудряшова Р. И. Наименования растения конопля в русских говорах (по материалам Лексического атласа русских народных говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2007. С. 123–131.

Колосова В. Б. Отзоонимные названия растений в русских говорах на общеславянском фоне // Славянская диалектная лексикография: материалы конф. / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова. СПб.: Наука, 2011. С. 50.

Колосова В. Б. Русские диалектные фитонимы, мотивированные названиями пищи // Современные проблемы лексикографии: материалы конф. / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 100–101.

Конечная Г. Ю. Сорные растения // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/3637640> (дата обращения: 03.05.2024).

Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: Межотрасл. рег. центр, 2000. 233 с.

Красовская Н. А. Названия лопуха и репейника в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 373–382.

ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. Т. 1. Растительный мир. 736 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы, грибы, ягоды). М.: Наука, 1967. 259 с.

Меркулова В. А. Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах: дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 369 с.

Пермякова Л. А. Миконимы пермских говоров в синхронном и диахронном аспектах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9). С. 25–31.

Русинова И. И. Названия травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2011. С. 360–367.

Русинова И. И., Богачева М. В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2003. С. 116–127.

Русинова И. И., Ямлиханова И. М. Лексика леса в одном пермском говоре (на материале Тематической группы «Дерево» говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2006. С. 215–231.

РЭС – Русский этимологический словарь / А. Е. Аникин. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1. А–Б. 2001. 252 с.

СРА – Словарь русского арго: мат. 1980–1990-х гг. / В. С. Елистратов М.: Русские словари, 2000. URL: http://gramota.ru/slovari/argo/53_16225 (дата обращения: 08.05.2024).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1(3). С. 112–127.

References

Aleshina L. M. Motivatsiya naimenovaniy podorozhnika kak sposob otrazheniya opyta osvoeniya nositelyami govorov mira rasteniy [The motivation of the names of plantain as a reflection of the dialect speakers' familiarization with the plant world]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2014* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2014]. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 25–30. (In Russ.)

Baklanova I. I. Narodnye nazvaniya dikorastushchikh s'edobnykh rasteniy Permskogo kraya, ili Istoriya poiska nazvaniya 'gonyshi' [Folk names of wild edible plants of the Perm region, or The history of searching for the name for 'gonysh']. *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Issues of Linguistic Regional Studies]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Press, 2014, pp. 35–42. (In Russ.)

Balandin S. A. Dub [Oak]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. 2016. Available at: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337> (accessed 5 May 2024). (In Russ.)

BASRYa – *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by K. S. Gorbachevich. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–, vol. 1–. (In Russ.)

Bobrova M. V. Nazvaniya yagod i yagodnykh rasteniy v russkikh govorakh Permskogo kraya i inykh territoriy [Words naming berries and berry plants in the Russian dialects inside and outside the Perm region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2017* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Data and Research) 2017]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 59–77. (In Russ.)

Brodskiy I. V. Russkie zaimstvovaniya v fitonimicheskom fonde finno-permskikh yazykov [Russian borrowings in the phytonymic fund of the Finno-Permic languages]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2010]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 293–298. (In Russ.)

Vendina T. I. 'Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov' i leksika prirody v lingvognoseologicheskom aspekte ['Lexical Atlas of Russian Folk Dialects' and vocabulary of nature in the linguognoseological aspect]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2016* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2016]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 121–153. (In Russ.)

Vendina T. I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian Linguistic Picture of the World Through the Prism of Word-formation (macrocosm)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 236 p. (In Russ.)

Golovkin B. N. Durman [Thorn apple]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. 2016. Available at: <https://bre.mkrf.ru/biology/text/1970763> (accessed 7 May 2024). (In Russ.)

Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 pts. Moscow, Publishing House of A. Semen, 1863. 627 p. (In Russ.)

Zanozina L. O., Larina L. I. Motivirovannost' leksiki rastitel'nogo mira (na kurskom materiale) [Motivation of the plant world vocabulary (based on Kursk material)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 1997* [Lex-

ical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 1997]. Ed. by I. A. Popov. St. Petersburg, 2000, pp. 129–131. (In Russ.)

Zvereva Yu. V. Nazvaniya molodykh shishek khvoynykh derev'ev v russkikh govorakh Permskogo kraia [Names of young cones of coniferous trees in the Russian dialects of Perm region]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2023, vol. 25, issue 2, pp. 181–198. doi 10.15826/izv2.

2023.25.2.031. (In Russ.)

Zorina L. Yu. Naimenovaniya krapivy v russkikh narodnykh govorakh (po dannym LARNG) [Names of nettle in Russian folk dialects (according to LARNG data)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2016* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2016]. Ed. by S. A. Myznikov. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 227–238. (In Russ.)

IESSRYa – *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian language]: in 2 vols. P. Ya. Chernykh. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999, vol. 1. A – Pantomima [A – Pantomime]. 624 p. (In Russ.)

Kolokol'tseva T. N., Kudryashova R. I. Naimenovaniya rasteniya konoplya v russkikh govorakh (po materialam Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov) [Names of the cannabis plant in Russian dialects (based on materials from the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2007* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2007]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 123–131. (In Russ.)

Kolosova V. B. Otzoonimnye nazvaniya rasteniy v russkikh govorakh na obshchslavyanskom fone [Names of plants derived from zoonyms in Russian dialects against the common Slavic background]. *Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya* [Slavic Dialect Lexicography]: conference proceedings. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, p. 50. (In Russ.)

Kolosova V. B. Russkie dialektnye fitonimy, motivirovannye nazvaniyami pishchi [Russian dialect phytonyms motivated by food names]. *Sovremennye problemy leksikografii* [Modern Problems of Lexicography]: conference proceedings. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, pp. 100–101. (In Russ.)

Konechnaya G. Yu. Sornye rasteniya [Weeds]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. 2016. Available at:

<https://old.bigenc.ru/biology/text/3637640> (accessed 3 May 2024). (In Russ.)

Konovalova N. I. *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants of the Urals]. Yekaterinburg, Mezhotraslevoy regional'nyy tsentr Publ., 2000. 233 p. (In Russ.)

Krasovskaya N. A. Nazvaniya lopukha i repynika v russkikh govorakh [Names of burdock and agrimony in Russian dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2012]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 373–382. (In Russ.)

LARNG – *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. Ed. by T. I. Vendina. Moscow, St. Petersburg, Nestor-istoriya Publ., 2017, vol. 1. Rastitel'nyy mir [Flora]. 736 p. (In Russ.)

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy (Travy, griby, yagody)* [Essays on Russian Folk Nomenclature of Plants (Herbs, Mushrooms, Berries)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 259 p. (In Russ.)

Merkulova V. A. *Proiskhozhdenie nazvaniy dikorastushchikh s'edobnykh rasteniy v russkikh govorakh*. Diss. kand. filol. nauk [Origin of the names of wild edible plants in Russian dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1965. 369 p. (In Russ.)

Permyakova L. A. Mikonimy permskikh govorov v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh [Myconyms of Perm dialects in synchronic and diachronic aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 3 (9), pp. 25–31. (In Russ.)

Rusinova I. I. Nazvaniya travy dushitsa obyknovennaya v permskikh govorakh (na materiale slovarey) [Names of the herb origanum in Permian dialects (according to the dictionaries)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2011* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2011]. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 360–367. (In Russ.)

Rusinova I. I., Bogacheva M. V. Fitonimicheskaya leksika govorov Permskoy oblasti [Phytonymic vocabulary of dialects of the Perm region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2000* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2000]. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 116–127. (In Russ.)

Rusinova I. I., Yamlikhanova I. M. Leksika lesa v odnom permskom govore (na materiale Tematich-

eskoy gruppy ‘Derevo’ govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti) [Forest vocabulary in one Perm dialect (based on the material of the thematic group ‘Tree’ of the dialect of the Akchim village, Krasnovishersky district, Perm region)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2006* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2006]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 215–231. (In Russ.)

RES – *Russkiy etimologicheskiy slovar’* [Russian Etymological Dictionary]. A. E. Anikin. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2007–, vols. 1–. (In Russ.)

SGRS – *Slovar’ govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Ed. by A. K. Matveev. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2001, vol. 1. 252 p. (In Russ.)

SRA – *Slovar’ russkogo argo: materialy 1980–1990-kh gg.* [Dictionary of Russian Argot: Materials from the 1980–1990]. Ed. by V. S. Elistratov. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. Available at: http://gramota.ru/slovari/argo/53_16225 (accessed 8 May 2024). (In Russ.)

SRNG – *Slovar’ russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Folk Dialects]. Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–, vols. 1–. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira [Motivational semantic models and picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2002, issue 1(3), pp. 112–127. (In Russ.)

General Designations of Weeds in Russian Dialects of the Perm Region: A Motivational Aspect (based on dialect dictionaries)

Mariia A. Granova

**Associate Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russian Federation. marjanaandreeva@mail.ru

SPIN-code: 3653-3938

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2577-6652>

ResearcherID: D-2785-2018

Submitted 05 Feb 2024

Revised 15 Jul 2024

Accepted 13 Aug 2024

For citation

Granova M. A. Obshchie nazvaniya sornoy travy v russkikh govorakh Permskogo kraia: motivatsionnyy aspekt (na materiale dialektnykh slovarey) [General Designations of Weeds in Russian Dialects of the Perm Region: A Motivational Aspect (based on dialect dictionaries)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 3, pp. 15–23. doi 10.17072/2073-6681-2024-3-15-23 (In Russ.)

Abstract. The article examines lexical units being general designations of weeds in Russian dialects of the Perm region. Data from dialect dictionaries of the region were used as research material. The aim was to study the motivational semantics of these lexemes. In the course of research, the motivational characteristics underlying the general names of weeds were identified, motivational models according to which these lexemes are formed were constructed, the general principles of designating weeds in Perm dialects were determined. It has been proven that phytonyms in Perm dialects can have multiple motivations. The study explores the ideas of Russian residents of the region about weeds reflected in dialect phytonyms. The main one is the idea of the uselessness of weeds on the farm (*pustaya trava, sornyak, sornaya trava, sor, khlam, dudora, shelobon’, batarma, chashcha, durnina, durnotrav’e, durnyak, durman*; in this case the semantics often develops according to the model ‘waste, garbage, trash, rubbish’ → ‘weeds’; this is the most frequent semantic-motivational model in the considered group of vocabulary); designations reflecting objective characteristics of plants (features of the structure of the stem and leaves (*dubinnik, batozh’e, dudka*), properties of weeds (*deryu-*

ga, deryaga, deryazhka, lipuchaya trava, suvolotka, suvoloka)) are less frequent in the study area and are of a concrete nature (trail along the ground, stick to other objects, etc.); in a single case, the name of a weed reflected ideas about the quality of a person leading to its appearance (*bab'ya len'*, which can be roughly translated as a woman's laziness; with this method of naming, not only the plants themselves but also this personal quality, through association with the plants, receive a negative cultural assessment). The obtained conclusions testify in favor of the anthropocentric, evaluative, concrete-sensual nature of the dialect speakers' worldview.

Key words: ethnobotany; weeds; phytonym; semantic-motivational analysis; Perm dialects.